

Абузар БАГИРОВ,
писатель, доктор филологии, доцент
Университета МГИМО МИД РФ

Карабахский певец красоты

Проблема человека и человеческого существования, его внутренняя свобода, творческая миссия в мире, склонность к добру или к злу, постижение смысла бытия, отношение к Богу, культуре и к этико-эстетическим проблемам всегда находились в центре пристального внимания мировой философии. Человек сотворён по образу и подобию Бога, и в то же время он является природным, ограниченным существом. Смысл бытия познаётся через человека, потому что он – венец всех божественных творений. Он не только индивид в коллективе или иной общности, но и личность, являющаяся носителем общечеловеческих ценностей и духовно-культурного наследия своего народа. В общечеловеческом мировоззрении проблема творческой личности занимает центральное место, ибо **человек создан для того, чтобы стать творцом и продолжать творение мира**. Смысл и цель жизни творца в том, что он должен созидать во благо человека. Для этого **яркой творческой личности необходима внутренняя свобода, без которой невозможны истинные откровения**, а без истинных откровений не рождаются высокопробные, недосягаемые шедевры...

Выдающийся мастер слова, основоположник азербайджанской реалистической поэзии нового периода Молла Панах Мехтиага оглы, вошедший в историю классической литературы под поэтическим псевдонимом Вагиф (по-арабски означает «Сведущий»), принадлежит к числу ярких творческих личностей не только азербайджанского народа, но и занимает достойное место на мировом поэтическом небосклоне.

Вагиф родился в 1717 году в селе Гыраг-Салахлы современного Газахского района. Первоначальное образование получил в медресе, изучал персидский и арабский языки, живо интересовался философией, математикой, архитектурой и астрономией. Еще в молодости **открыл в род-**

Молла Панах Вагиф. Художник Михайл Абдуллаев

ном селении школу и обучал детей грамоте, за что в народе его и прозвали «молла» (этим словом называли людей образованных). Молодой учитель неустанно занимался самообразованием, начал слагать стихи на простом, доступном языке и с удовольствием читал их односельчанам.

В то время Азербайджан был разделён на множество крупных и мелких ханств. Постоянные раздоры и вооружённые столкновения между ханами, а также произвол местных властей, вынуждали многие семьи, а иногда целые деревни покидать насиженные места и искать убежища в более спокойном месте. Не смогла избежать такой участи и семья известного уже поэта. В 1760 году они поселились в деревне Тертербасар Карабахского ханства, где Вагиф также открыл школу и занялся учительством.

Через некоторое время Вагиф переселился в центр ханства – совсем ещё новый тогда город-крепость Шушу, основанный в 1750 году Панах ханом в высокогорной местности. Здесь Вагиф быстро обрёл славу, его стихи распевались певцами на народных праздниках и распространялись среди горожан. Жители столицы почитали Вагифа не только как поэта, но и как человека учёного и просвещенного. Про него даже сложилась поговорка – **«не каждый грамотей может стать Молла Панахом»**. Слава о его учёности и поэтическом даре достигла и стен ханского дворца. В 1769 году Вагиф при содействии своего близкого друга, **известного поэта Моллы Вели Видади** был приглашён на должность руководителя двора карабахского хана.

Большой ценитель поэзии **Ибрагим Халил хан Джаваншир** приблизил поэта к себе, между ними сложились очень доверительные, дружеские отношения. В скором времени **Вагиф был назначен главным визирем Карабаха, и на этом посту проявил себя как дальновидный политик и умелый дипломат**. При его участии был заключён союз между Карабахским ханством и Грузией, такие же союзы были заключены с Иранским, Талышским, Гянджинским и другими азербайджанскими ханствами. Во многом благодаря этим военно-оборонительным союзам окончился крахом первый поход грозного завоевателя Ага Мухаммеда Гаджара на Карабах в 1795 году. Долгие годы Молла Панах преданно служил карабахскому ханскому двору, всемерно способствуя налаживанию добрососедских отношений не только с другими азербайджанскими ханствами и Грузией, но и с Россией.

В 1797 году шах Персии Ага Мухаммед предпринял второй поход на Шушу уже в отсутствие Ибрагим хана в Карабахе. Оборона города была слабо организована, и воины персидской империи со всех сторон легко вошли в крепость. По личному указанию шаха Гаджара, в тот же вечер был схвачен и брошен в темницу главный визирь, великий поэт Вагиф. Наутро его ожидала неминуемая казнь, однако судьба распорядилась иначе – ночью сам шах был убит своими приближёнными, и поэт неожиданно оказался на свободе. Но ненадолго. Воспользовавшись неразберихой, племянник Ибрагим хана **Мухаммед бек Джаваншир** захватил власть. Опасаясь сопротивления сторонников своего дяди, он бросил в темницу

знать и вельмож, и в их числе **главного визиря Вагифа вместе с сыном, талантливым поэтом Алиагой, которых по приказу Мухаммед бека под покровом ночи сбросили в пропасть**. Почитатели таланта великого поэта, рискуя жизнью, тайком похоронили Вагифа и его сына как неизвестных. После этого убийства дом поэта был разгромлен, многие рукописи сожжены.

Спустя некоторое время Ибрагим Халил хан вернулся в Шушу и вновь возглавил ханство. Останки Вагифа были с почестями перезахоронены на живописном склоне горы. Со временем **могила выдающегося поэта стала местом паломничества**, народ пронёс через годы свою искреннюю любовь к поэту-жизнелюбу, поэту-мудрецу. К великому сожалению, уже в наше время после оккупации Нагорного Карабаха и территорий, прилегающих к нему 7-ми районов вооружёнными силами Армении, захоронение-святилище великого Вагифа, как и множество других памятников азербайджанской культуры, было разрушено и подвергнуто забвению.

Фрагмент из фразы С.Вургуна "Вагиф".

До оккупации г.Шуша вооруженными силами Армении здесь ежегодно проводились «Дни поэзии Вагифа»

Молла Панах Вагиф снискал всемирную известность и славу, прежде всего **как певец земной любви, красоты и родной природы**. Тема любви в восточной поэзии на протяжении веков разрабатывалась, исходя из принципов «идеальной эстетики», и чутко реагировала на религиозно-философские течения. Поэты придавали любви некий сакраментальный смысл и облекали её в абстрактно-мистический ореол. Любовь воспринималась в философском контексте, и даже в литературных произведениях, повествующих о реальной земной любви, движение авторской мысли непременно приводило к традиционному обожествлению этого чувства. Но Вагиф как художник-мыслитель отделил любовь от реквизита философских мудрствований и сверхъестественных атрибутов, подошёл к этому явлению как к живому движению и состоянию человеческой души. Образно говоря, **Вагиф спустил любовь с небес на грешную землю**, материализовал её и сделал доступной для понимания каждого.

Его лирика, посвящённая земной любви, отличается от классических любовных медитаций, как по осмыслению, так и по образному ряду и средствам изображения. В его гимнах любви отчётливо предстают **реальные естественные краски и детали, большое место уделяется живописанию образа возлюбленной, воспеванию её красоты**. Его поэтические портреты зримы, кон-

кретны, наглядны; красавицы, вдохновлявшие его лиру – это дочери родной земли, которые встречаются повседневно.

Другая отличительная черта лиры Вагифа – показать **первозданную красоту родной карабахской земли** и свою безмерную любовь к ней, не жалея ярких поэтических красок. Поэтическая ткань стихотворений, посвященных этой теме, поражает богатством и выразительностью художественных средств. Внутренние рифмы, усиливающие повторы, смелые метафоры своими многогранными, отточенными, разнообразными природными красками и оттенками создают впечатление некоего музыкально-словесного фейерверка.

Одна из основных заслуг Вагифа в истории азербайджанской литературы состоит не в приписании реалистического подхода, а именно в **коренном обновлении художественного языка на уровне мышления. Несомненно, он поднял азербайджано-тюркский литературный язык на новую высоту**, обогатив его яркими красками народной разговорной речи. Его открытиями в области поэтического языка по сей день пользуются все талантливые азербайджанские поэты.

Памятник поэтам Молла Вели Видади и Молла Панаху Вагифу в г.Газах

Большинство стихов Вагифа отличаются простотой изложения, но сколь завораживающа, сколь магически притягательна эта «непростая простота!» В этом таинство таланта, мощь искусства поэта, чутко улавливающего всю музыку, гармонию и смысловые оттенки родной речи. Иногда самые привычные, обиходные слова и обороты в стихах Вагифа обретают особую эмоциональную энергию, выстраиваясь в художественный образ, изумляя чарами волшебной, прозрачной простоты. Такая кристальная ясность отличает и стихи поэта, написанные в классическом жанре: *газели*, *мустазады*, *мухаммасы*, *мушаире* и др. Тем не менее, Вагиф именно в силлабическом стихосложении достиг непревзойдённых высот языкового искусства, ибо силлабика («хеджа») предоставляет больше возможностей для создания новых поэтических образов, питающихся стихией народной разговорной речи.

В азербайджанской классической поэзии Вагиф является одним из бесспорно могучих художников, он **открыл и использовал всю многоцветную палитру народного языка**, заменил веками истёртые шаблонные фигуры и метафоры на эквивалентные краски и образы, проистекающие из родника народной лексики. Мастер придал поэтическому слову живую свежесть и прелесть, тем самым обогатив азербайджанский поэтический словарь новыми образными словами и лексическими оборотами.

Среди исследователей жизненного пути и творчества Молла Панаха Вагифа необходимо с благодарностью упомянуть такие имена, как писатель-просветитель, философ, основоположник

*Могила М.П.Вагифа в мавзолее . Фото 1983 года.
Ныне разрушена вооруженными силами Армении*

азербайджанской драматургии Мирза Фатали Ахундов (1812–1878), критик-литературовед Фирудин бек Кочарли (1863–1920), академик Гамид Араслы (1909–1983), академик Аббас Заманов (1911–1993), профессор Азиз Шариф (1895–1988) и профессор Араз Дадашзаде (1936–1990).

В конце XVIII столетия поэзия Вагифа ознаменовала начало нового этапа в азербайджанской литературе. В творчестве великого поэта азербайджанский литературный язык нашёл свою совершенную изобразительную форму и сыграл в дальнейшем неопределимую роль в развитии национального поэтического языка в творчестве поэтов последующих поколений. ✨

Литература

1. Вагиф. Избранные стихотворения. Москва, 1949, 207 с.
2. Ərəb və fars sözləri lüğəti. Redaksiya heyəti: B.T. Abdullaev, Ə.Ə.Orucov, Y.Z.Şirvani. Bakı, 1967, 1036 s.
3. Вагиф. Лирика. Москва, 1968, 167 с.
4. Firudin bəy Köçərli. Azərbaycan ədəbiyyatı, II cildə. Cild I. Bakı, 1978, 598 s.
5. Бердяев Н.А. О русской философии. В 2-х томах. Том 2. Свердловск, 1991, 240 с.
6. Рустамова А., Набиев Б., Караев Я. Азербайджанская литература (краткий очерк для азербайджанской диаспоры). Под ред. Б. Набиева и Т. Керимли. Баку, 2005, 453 с.
7. Так говорили мудрецы. Афоризмы. Составитель С.Б.Барсов. Москва, 2006, 415 с.
8. Литературный словарь. Москва, 2007, 320 с.
9. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. VI cildə. Cild III. Bakı, 2009, 736 s.
10. Ценнее золота. Фольклор и литературные памятники Азербайджана (обзорная статья академика НАНА Б.А. Набиева, чл.-корр. НАНА Т.А. Керимли, составление, биографические справки и комментарии А.М. Багирова). Москва, 2010, 646 с.

The article provides a summary of the life and work of prominent Azerbaijani poet and statesman of the second half of the 18th century, Molla Panah Vagif. The author emphasizes Vagif's contribution to the renewal of Azerbaijani poetic language, which he elevated to popular speech. It is noted that Vagif got rid of the entrenched medieval stereotypes when celebrating sublime love. In his poems, love is described as a living human feeling.

ГОШМА

С ТОБОЮ

Если бы в укромном уголке
Довелось побыть вдвоём с тобою!
Сердце к сердцу и рука в руке,
Пламенеть одним огнём с тобою!

Мне б в глаза твои когда-нибудь
Взором затуманенным взглянуть!
Пусть неразделимо, грудь о грудь,
Мы сердца свои сольём с тобою!

Блеску тёмных глаз идёт сурьма!
Звёзды тем светлей, чем глубже тьма.
Недругов да поразит чума!
Не таясь, гулять пойдём с тобою.

В сладостной полночной тишине
Ты склонись доверчиво ко мне.
До рассвета, позабыв о сне,
Ночь в блаженстве проведём с тобою.

Милая, ответа ждёт Вагиф.
Ты доверься мне, лицо открыв.
Буду счастлив я, доколе жив,
Упоённый забытьём с тобою.

РАССТАЛИСЬ

Ах, лучше бы не было этой поездки!
Не высказав сердца, мы снова расстались
С подругой-красой, несравненно в блеске,
Без ласки, без доброго слова расстались.

Как чудится мне, не могу передать я,
Высокая грудь в узком вырезе платья.
Некстати уснул я, и вот – без объятий
И без поцелуя хмельного расстались.

Не мог я насытиться в краткие встречи
Губами медовыми, сладостью речи.
Увы, не ласкал я жемчужные плечи,
В печали томленья немого расстались.

Вагиф, нету горькому сердцу покоя,
Душе не ужиться с бессонной тоскою.
Мы в ссоре с любимой. Вот горе какое!
Задобрить не смог, мы сурово расстались.

ТВОИХ

Мне красавиц таких не видать во сне,
Не знавать мне очей горячей твоих.
Розы щёк пламенеют, и в сердце мне
Веет свежим жасмином кудрей твоих.

Как идёт блеску плеч темнота волос!
Возле гибкого стана – струенье кос.
Ярче мрамора грудь, ярче белых роз.
Есть ли руки на свете нежней твоих!

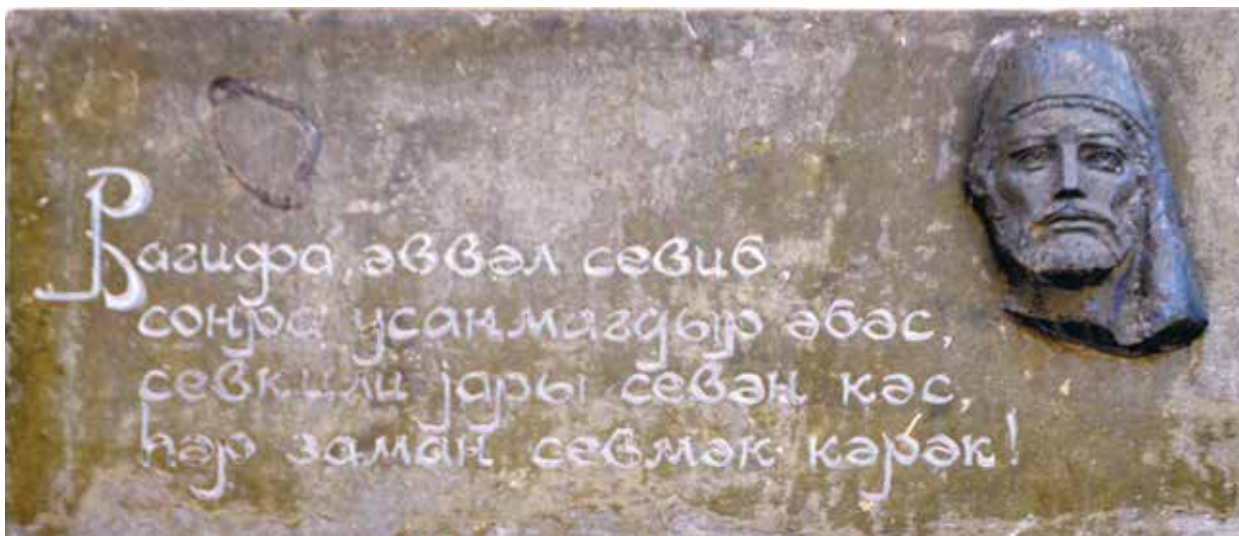
Не могу от возлюбленной глаз отвести.
Рот твой розой назвать – велика ли честь!
Соловью не звенеть и цветам не цвести
Горячее счастливых речей твоих.

О насильница нежная, злой палач!
Жалоб сердца не скрою, хоть в землю прячь.
Нашим недругам люблю, а мне – хоть плачь.
Не жалеешь заветных друзей твоих!

Ты не мучай Вагифа разлукой злой.
Ты забудь, что налгал тебе недруг мой.
Не сумеет тебя оценить другой.
Не гони ты меня от дверей твоих!

Памятник Вагифу на фасаде здания Музея азербайджанской литературы имени Низами Гянджеви (г.Баку)

Памятная плита на улице Вагифа в г.Шуша. Установлена в 1967 году, разрушена во время оккупации города вооруженными силами Армении в 1992 году

НЕ СТАНЕТ

Женщина, что сердцем хороша, –
Век пройдёт, – она бледней не станет.
Если, словно лал, светла душа,
От невзгод она темней не станет.

Благородной красота верна,
Стройная, – не сгорбится она.
Если добротой одарена,
Не изменит, холодней не станет,

Кровь её девически чиста.
Ярче свежих роз её уста.
Стрел острее ресницы... Лет до ста
Ранящая сталь слабей не станет.

Страшно ль совершенной жить сто лет!
Пусть уже в движеньях силы нет,
Но в глазах горит всё тот же свет.
Обаянья меньше в ней не станет.

Истинное счастье, – не забудь, –
В той, что знает страсти скорбный путь.
К девушкам, Вагиф, не надо лнуть,
А не то спокойных дней не станет.

Перевод Марии Петровых

ФАТИМА

Душистые, нежные кудри твои
Рассыпались чёрной волной, Фатима.

Зачем насурьмила хмельные глаза?
Взгляни, я и так чуть живой, Фатима.

Влюблён я в лукавые кольца кудрей,
Влюблён я в румянец, зари розовой,
Сокровища мира возьми поскорей,
Но только останься со мной, Фатима!

За твой волосок, за единый твой взгляд
Отдам без раздумья Китай и Багдад.
Пусть стрелы-ресницы мне сердце пронзят, –
Любуюсь жестокой игрой, Фатима.

Ты бровью играешь, как ты хороша!
Молчу, потрясённый, стою не дыша.
Но горем объят я, в смятенье душа –
Мой дом обошла стороной Фатима.
Я таю, огонь меня сушит, внемли!
Я больше не в силах глядеть издали,
Я ангелов проклял... Сын грешной земли,
Влюблённый Вагиф пред тобой, Фатима.

НАШЁЛ

Красавицу долго я в мире искал,
И вот среди них я царицу нашёл.
Я, сети раскинув, охотником стал
В тенетах я сокола птицу нашёл.

Душа моя в жарком и светлом огне:
Мерещатся чёрные родинки мне.
Я косам, скользящим по гибкой спине,
Сравненье с янтарной пшеницей нашёл.
Я счастлив, что я на дороге своей

Увидел лицо в обрамленьи кудрей,
Оно показалось мне снега белей...
Любовь, чтоб ей вечно дивиться, нашёл.

Вагиф, наяву ты познал волшебство,
Прекрасней которого нет ничего.
У каждого в мире своё божество –
Кыблу, чтоб пред нею склоняться, нашёл!

ПОЧЕМУ?

Я влюблён, свиданья жажду, сам не свой,
Покрывалом ты закрылась - почему?
Я желаю слышать голос молодой,
Ты в молчанье погрузилась - почему?

Ты расправила все складки поверней,
Чтоб не видел я и прядки у бровей.
О, взгляни, хотя б украдкой, поскорей.
И скажи, за что немилость, почему.

Ты красива и должна любить вдвойне,
А кокетство – это средство не в цене!
Ты не хочешь улыбнуться даже мне.
Для чего на свет явилась, почему?

Кос твоих благоуханен водопад,
И сияет смех таящий, быстрый взгляд...
Ты в сторонке постояла и назад
Почему-то удалилась - почему?

Я – Вагиф, был нелюдимым, словно лал.
И себя непобедимым я считал,
Стал податливою глиной, воском стал.
Как же это получилось, почему?

ПОГЛЯДИ СЮДА

В чём я виновен, милая, скажи?
В душе тревога – погляди сюда!
Сбрось покрывало, лик свой покажи,
Не хмурься строго, погляди сюда!

Твои ресницы – копий остря.
Меня послушай, гневность усмиря.
Ведь я прошу, тебя боготворя,
Ну хоть немного погляди сюда!

Неужто я тебя обидеть мог?
Ты сердисься напрасно, видит Бог.
Кто любит, тот не может быть жесток,
Побойся Бога, погляди сюда!

Я образ твой вознёс перед людьми
Превыше, чем Хафиз или Джами.
Люблю тебя, не мучай, не томи,
Ах, недотрога, погляди сюда!

Мирись со мною, гордость усмирив,
Ты гонишь гостя, прежде пригласив,
Ведь молча за тебя умрёт Вагиф
Здесь, у порога. Погляди сюда!

*Мавзолей Молла Панаха Вагифа в городе Шуша.
Построен в 1982 году*

ТВОИ ГЛАЗА

Подобна луку бровь твоя, щека смугла.
Сияют дивной глубиной твои глаза.
Мне стрелы загнутых ресниц терзают грудь...
Слегка подведены сурьмой твои глаза.

Меня изранил, истомил лукавый взгляд,
И веру испытать мою глаза хотят.
То муку, то блаженство мне они сулят,
Ах, унесли навек покой твои глаза!

Они похожи на миндаль, как ночь темны,
Глаза невинные твои греха полны.
Им даже локоны твои служить должны –
Повелевают грозно мной твои глаза.

Благоуханен, как жасмин, кудрей поток...
Алеет нежный рот твой, как лепесток.
И родинка дрожит у губ, и рост высок,
Но всё затмили красотой твои глаза.

Твой разум омрачён, Вагиф, покой пропал.
Ты безутешен, ты навек страдальцем стал, –
Прекрасны родинки, уста, лица овал,
Но я безумен, в том виной твои глаза.

Перевод Татьяны Стрешневой

ЖУРАВЛИ

Задержите в полёте удар крыла:
Слово есть у меня для вас, журавли.
Вереница ваша откуда летит?
Начинайте об этом рассказ, журавли.
Очарован вами высокий Багдад,
Он прилёту вашему будет рад.
Вы широкими крыльями бейте в лад,
Не роняйте перо в этот раз, журавли.
Я с возлюбленной милой давно разлучён,
Словно бабочка, я красотой сожжён.
Я ищу кареглазую среди жён.
Не видали ль вы этих глаз, журавли?

Полюбил я сурьму этих карих очей.
Пусть не сглазят и в темноте ночей,
Пусть минует вас сокол, глядите зорчей!
Я хочу, чтоб вас случай спас, журавли!
Ваша дикая песня нежна, нежна,
И душа моя радостью обновлена.
И Вагифа душа высоко взметена,
Чтобы вечно лететь возле вас, журавли!

Перевод Владимира Луговского

ГАЗЕЛИ**ДЖИГИТ**

Не к лицу джигиту зависть, презирует ложь джигит.
Будь правдив – и уваженье всюду обретёшь, джигит.

Скромность смелых украшает, красит искренность
мужей, –
Хвастунов пустоголовых ставит ни во грош джигит.

Словно крепость Искандера, неподкупны храбрецы, –
Ради пери розоустой путь свой не прервёшь, джигит.

Только женщины лукавят, – клятве воины верны,
Быть отважным, благородным ты обет даёшь, джигит.

Покровителем джигитов я, Вагиф, зову Али, –
Ты поддержку и защиту у него найдёшь, джигит.

Я мечтой к кудрям прикован, ароматным как цветок,
От любви изнемогаю, стан согнулся, взор поплёк.

Если будет живописец рисовать её портрет, –
Я хочу стать тонкой кистью, чтоб коснуться нежных щёк.

Будто облако восхода на челе её горит –
Лебедь белая, не бойся, насмерть ранен злой стрелок.
Ты меня околдовала – стал я пленником твоим,
Без тебя, как месяц в небе, я блуждаю одинок.

Я Вагиф, мне нет спасенья, гибель родинки сулят...
Ради ямочки на щёчке мукам я себя обрэк.

Перевод Татьяны Стрешневой

Я ОБИДЕЛСЯ

На прекрасную пери, что схожа с прозрачной луной,
я обиделся.
На жестокую душу, что тьмы беспросветней ночной, я
обиделся,

Сколько сладостных слов я сказал, не вкусив ничего!
От медвяного рта отделённый высокой стеной, я
обиделся.

Не дала мне вина, только сердца разбила хрусталь...
Испытав на себе виночерпия нрав ледяной, я обиделся.

Обижаются люди на тех, кто надежду сулит.
И, как видно, недаром на ту, что мне стала родной, я
обиделся.

Догадался я сразу – она не поддастся мольбе,
И, признаться, друзья, лишь по этой причине одной я
обиделся.

Перевод Льва Длигача

ЗАТМИЛА ТЫ

Своей весенней красотой цветок любой затмила ты.
Прекрасным станом ствол живой тубы святой затмила ты.
Красавицы вселенной всей – пыль под сандалией
твоей.
Над искандеровой главой серп золотой затмила ты.

Благоуханье кос твоих дороже мира для меня...
Небесный мир передо мной и мир земной затмила ты.

Я – раб души твоих бровей, мне больше нет пути в
михраб, –
Над Каабою свет божества, день огневой затмила ты!

И если страждет, как Меджнун, Вагиф, - и гибнет, как
Фархад,
Лейли – сияющей душой, Ширин – красой затмила ты.

Перевод Владимира Державина

Я ВСПОМНИЛ

Увидев лик твой, вмиг о солнце и о луне я вспомнил.
Целуя губы, о сладчайшем, густом вине я вспомнил.

Подумал тайно – кто б посланье моё отнёс к любимой?
Подумав так о быстром ветре, моём коне, я вспомнил.
Раскрылись губы, и в улыбке блеснули зубы-перлы.
О жемчугах, алмазах светлых в морях, на дне, я вспомнил.

Я как в дурмане, – страстью пылкой я обречён на муки:
О косах чёрных и блестящих, об их огне я вспомнил.
Подумал тайно, – кто посмел бы её коснуться стана?
Подумав так, твой пояс узкий, что светит мне, я вспомнил.

Я снова розу-лик увидел возлюбленной Вагифа,
И вот, любовью одержимый, стихи во сне я вспомнил.

Перевод Марии Замаховской

МУХАММАСЫ

ТВОЯ СЕСТРА

Эй, приятель, как чудесно расцвела твоя сестра!
Сердце мне лукавым взором изожгла твоя сестра.
Лукобровая, прекрасна и светла твоя сестра.
Рот её – кораллы, жемчуг... Мне мила твоя сестра!
Недоступна, своенравна, весела твоя сестра!

Стан, подобный кипарису, всех стройнее у неё.
Родинка на подбородке всех нежнее у неё.
Как чудесны кудри, плечи, руки, шея у неё!
И разумна и лукава; как в огне я у неё!
Худо ль, если б угощенье поднесла твоя сестра!

Как нарцисс пьянящий – очи и темны и глубоки.
Я скитаюсь дни и ночи, обезумев от тоски.
Вкруг любимой вьюсь, как выются над свечою мотыль-
ки.

Сердце, как сквозные соты, – разорвалось на куски.
На мою погибель – косы расплела твоя сестра!

Обо мне, прошу, скажи ей, что изранен, изожжён.
Как в огне брожу, скажи ей, опиши, как я влюблён.
Я уверен, что заставит застонать её мой стон.
Если к вам частенько буду приходить, не приглашён, –
Не гони, – вошла мне в сердце, как стрела, твоя се-
стра.

Стыд и совесть потерял я, изувеченный тоской.
Я в вине ищу спасенья от жестокости такой.
Обожал красоток нежных, а теперь к ним ни ногой.
Потерял последний разум, и терпенье, и покой.
Видно, думает Вагифа сжечь дотла твоя сестра!

Мавзолей Вагифа в городе Шуша. Разрушен во время оккупации города вооруженными силами Армении. Современное состояние

РАССЕРДИЛАСЬ НА МЕНЯ

Милая, – за что не знаю, – рассердилась на меня.
 Хмельноглазый ангел рая – рассердилась на меня.
 Плакать кровью заставляя, рассердилась на меня.
 Чёрных дней луна золотая рассердилась на меня.
 Свет и воздух отнимая, рассердилась на меня.

От ресниц её жестоких изнывает грудь моя.
 Налились глаза слезами – чаши полны по края.
 Утопая в море скорби, невозвратно гибну я.
 Сердца гордого не тронешь звонким плачем соловья.
 Любо ей, что я страдаю, – рассердилась на меня.

Лишь завидит – отвернётся, закрывается платком.
 На луну мою, на солнце глянуть бы одним глазком!
 На меня смотреть не хочет, будто я ей незнаком.
 Видно, недруг мой пред нею очернил меня тайком.
 Мне не внемлет дорогая – рассердилась на меня.
 Говорю – не хочет слушать, недоверию верна.
 На лицо моё ступить бы соизволила она!
 Мне без милой жизнь постыла, ненавистна, не нужна.
 Знать не хочет, хмурит брови и молчит, оскорблена.
 Я в тоске горю-сгораю, – рассердилась на меня.

Бесподобная не скажет – подойди ко мне, Вагиф.
 Беспощадная не видит, что горит в огне Вагиф.
 Днём и ночью изнывает по своей луне Вагиф.
 Но не ведает, не знает о своей вине Вагиф.
 Помогите – погибаю! – рассердилась на меня.

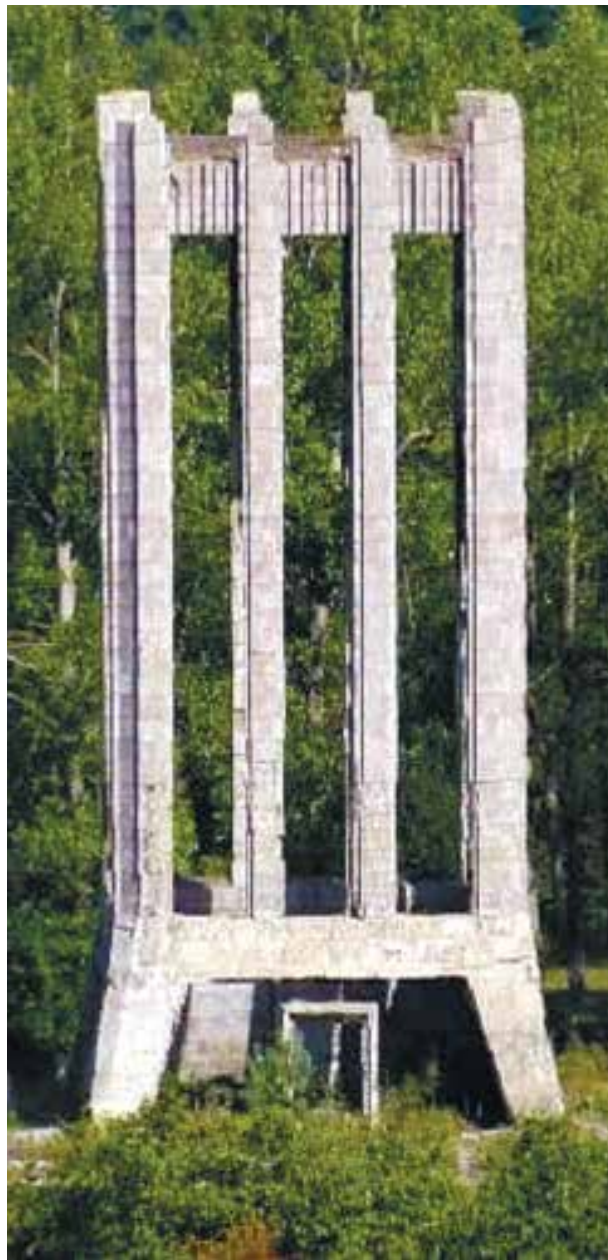
Перевод Марии Петровых

УБИВАЕТ МЕНЯ

Ах, томленье по ней смертным сном убивает меня!
 Блеск её красоты с каждым днём убивает меня.
 А браслет золотой жжёт огнём, убивает меня.
 К взору тёмному страсть, мысль о нём убивает меня.
 Но сильнее всего бровь – серпом; убивает меня.
 К её белым рукам так подходит кровавая хна.
 Шея – стройный бокал, и глаза - словно чаши без дна.
 Белый тюль на платке, а повязка на шапке красна.
 Ярким поясом стан свой прелестный стянула она.
 Пери-кравчий пьянит им, вином убивает меня.

Щёки свежие, словно букет распустившихся роз,
 А на косах её блещут брызги предутренних рос.
 Взор хмельной и сурьмой оттенён, и волною волос.
 Вот, сжимая рукой шаль-тирмэ, она бродит меж лоз.
 Этой шали конец за плечом убивает меня.

Плавной павой идёт, стан колеблется зыбкой волной.
 И своих и чужих убивает красы её зной.

Мавзолей Вагифа в городе Шуша. Разрушен во время оккупации города вооружёнными силами Армении. Современное состояние

Только вспомню о ней, я безумен от мысли одной.
 Опьянели глаза, чуть испили из чаши хмельной.
 Взглядом лани она, как мечом, убивает меня.
 Я, Вагиф, о прекрасной мечтаю, несчастный певец.
 С каждым днём я хирею, и близок уже мой конец.
 Та, чья бровь полумесяц, убила меня, я – мертвец.
 И на камне могильном моём начертает мудрец:
 «Без возлюбленной жизнь, словно гром, убивает
 меня».

Перевод Марии Замаховской

Я ЖДУ

Царица правды, ты сюда пришла, как свет в ночи. Я жду!

Готов я от любой мечты тебе вручить ключи. Я жду!
В число иероглифов живых ты родинку включи. Я жду!
Глаза мои, душа моя, страданья облегчи! Я жду!
Суровостью, мой светлый друг, раба не огорчи. Я жду!

О всех терзаниях моих тебе поведал ветерок.
Иль ты по вздоху поняла, что мне ничто теперь не впрок?
Я в грустных мыслях о тебе изнемогаю долгий срок.
Ты слышала, как я стонал и сетовал на тяжкий рок.
Коль ты пришла на сердца зов, так сердце излечи. Я жду!

Царица помыслов моих, ты снисходительна вдвойне,
Коль за грядой несчётных дней не позабыла обо мне.
Ты – серебристая луна, блеснувшая в моём окне.
В тебе воплощена мечта, томившая меня во сне.
Прекрасны взора твоего целебные лучи. Я жду!

Нужна Вагифу губ твоих животворящая вода.
Я даже Искандера ключ с ней не сравнил бы никогда.
Я блага рая за тебя готов отдать, моя звезда,
И речи сладостной твоей внимать хотел бы я всегда.
Войди и ласкою меня к блаженству приучи! Я жду!

Перевод Льва Длигача**НЕТ**

Я правду искал, но правды снова и снова нет.
Все подло, лживо и криво – на свете прямого нет.
Друзья говорят, – в их речи правдивого слова нет,
Ни верного, ни родного, ни дорогого нет.
Брось на людей надежду – решенья иного нет.

Все вместе и каждый порознь, нищий, царь и лакей –
Каждый из них несчастлив в земной юдоли своей.
Их всех сожрала повседневность, оторванность от людей,
И сколько бы я ни слушал бесчисленных их речей –
В них, кроме лжи и неправды, смысла второго нет.

Странный порядок в силу у сильных мира вступил:
Чьё бы печальное сердце ты ни развеселил,
Оно тебе злом оплатит, оплатит по мере сил,
Им неприятен всякий, кто доброе совершил,
На целом огромном свете мне друга родного нет.

Учёный и с ним невежда, учитель и ученик –
Снедаемы все страстями, в плену у страстей одних.
Истина всюду пала, грех повсюду проник,
Кто в мулл и шейхов поверит, тот ошибётся в них.
Ни в одном человеке чувства святого нет.

Тот, кто дворец Джамшида в развалины превратил,
Тот веселье и счастье безжалостно поглотил.
Нет никого, кто б в горе кровь свою не пролил,
Сам я не раз жестокой судьбою испытан был.
Повсюду царство коварства – и царства другого нет.

Всякий чего-то ищет, погонею поглощён,
Ищут себе престолов, венцов, диадем, корон.
Шах округляет земли – за ними в погоне он.
Влюблённый бежит за тою, в которую он влюблён.
Ни радости нет на свете, ни прочного крова нет.

Тут на людей, как солнце, свой излучаешь свет –
Помни, что слов признанья в радостной вести нет.
Честь, благородство, стыдливость давно уж утратил
свет.

Услышали мы, что где-то найден честности след,
Я долго искал и знаю, чувства такого нет.

Алхимиками я сделал множество гончаров.
В золото обращал прах забытых гробов,
Из щегля я делал яхонт, с камня срывал покров,
В бриллианты мог превращать я бляхи на шеях ослов,
Признанья искал, но мир мне ответил сурово – нет!

Я мир такой отвергаю, он в горле стал поперёк,
Он злу и добру достойного места не приберёт.
В нем благородство тщетно: потворствует подлым
рок,

Щедрости нет у богатых – у щедрых пуст кошелёк.
И ничего в нём, кроме насилия злого, нет.

Я видел конец надежды, мечтаний конец пустой,
Конец богатства и славы с их земной суетой,
Конец увлеченья женской, невянущей красотой,
Конец и любви, и дружбы, и преданности святой.
Я знаю, что совершенства и счастья людского нет.

Потухли глаза, старею, жизнь черней и черней.
Сколько красавиц мимо прошло за тысячи дней!
Дурною была подруга, погублено счастье с ней!
Аллах, одари Вагифа милостию своей:
Ведь, кроме тебя, на свете друзей у большого нет.

Перевод Константина Симонова